

Принцип «неснятых противоречий» в художественной философии А.П. Чехова

Абрамова Виктория Сергеевна

Студентка Пермского государственного университета, Пермь, Россия

Философия А. Чехова нередко рассматривается вне структур воплотивших ее произведений, в отрыве от живой материи художественного текста.

На наш взгляд, многомерность чеховского образа мира, бытийный, гносеологический, аксиологический аспекты чеховской поэтики адекватно реализуются в мотивной и пространственно-временной структурах текста; в сложной субъектной структуре, построенной на переходе от одной точки зрения на мир к другой, столкновении противоположностей, синтезе противоречащих друг другу суждений в целостную, бесконечно развивающуюся «истину».

Экзистенциальные мотивы, характерные для философской рефлексии рубежа XIX–XX веков (одиночество, память, фатальное непонимание, навязчивая мысль о смерти), в позднем творчестве А.П. Чехова вырастают до размеров глобального обобщения. Но чувство восторга перед красотой мира, осознание связи всего со всем вопреки видимой разобщенности также характерно для автора и героя А.П. Чехова. Писатель пытается постичь бесконечное целое, в котором как-то опосредованы полярные противоположности, совместить полюса такого целого друг с другом и определить меру их тождества.

В рассказе «Архиерей» (1902) момент прозрения человека сопряжен с демонстрацией человеческого разъединения, трагической разобщенности людей. В целом это разъединение в мире рассказа преодолено не будет. Но на его фоне многие герои все же испытывают катарсис. Мать, которая вела себя почтительно и робко, благоговела перед высоким саном Петра, в последние минуты увидела в преосвященном Петре не архиерея, а ребенка, «близкого, родного Павлушу». Сам Павел обрел «что-то самое важное, о чем смутно мечталось когда-то» [Чехов: 387]. Умирание на руках матери приравнивает смерть к рождению. Как ни необычен этот парадокс, но для героя Чехова именно смерть оказывается переходом из небытия в бытие. Павел ощущает себя свободным, уносится мыслями в далекое «живое прошлое».

Принцип разомкнутости и неснятых противоречий действует и в построении фабулы чеховских рассказов: коллизии не разрешаются, а переливаются в другие, в концовках чувствуется начало какого-то нового процесса. В рассказе «Студент» (1894) Ивану Великопольскому кажется, что он находит правду, находится на пути к другому пониманию жизни, но видимое равновесие в жизни недолговечно. Чувство ложности, иллюзорности не уходит. Структура чеховского текста четко выявляет сопоставление автора, повествователя и героя. Фиксируя какое-то определенное состояние сознания своего героя, Чехов никогда не ставит на этом точку. Писатель всегда рисует дальнейшую перспективу, новый вектор движения сознания. Автор включает точку зрения героя в свою позицию (но при этом не делает ее своей), позиция героя для автора не «свое другое», но «чужое» – в этом, на наш взгляд, и сложность, неуловимость авторской позиции у Чехова. Человек освобождается от замкнутости мира вещей, но это происходит в точке здесь и сейчас, и перед ним всегда обозначается обширное (иногда – сильно ограниченное) поле для дальнейшей работы духа.

В самом единстве пространственно-временной организации мира рассказов А.П. Чехова присутствуют неразрешимые противоречия. Чеховский герой – это всегда дискретное движение сознания во времени и пространстве. Только почти растворившись в мире вещей, постояв у грани, заглянув в лицо небытия, герой рассказа «Скрипка Ротшильда» (1894) Яков Бронза способен «перепрыгнуть» через бездну. Энергия и творческая сила памяти освобождают отдельные моменты существования от текучести, дробности, незначительности, укрупняют их. Суетность и убыточность жизни со всей отчетливостью открывается Якову тогда, когда он впервые за многие годы покидает город и приходит к реке «со старой вербой и громадным дуплом». Общение с огромным

смысловым пространством приводит человека к более крупному единству – мировой целостности: границы между человеком и миром растворяются, разрывается «футляр», прошлое просвечивает сквозь настоящее, открываются источники понимания и силы.

Может показаться парадоксальным участие Липы, героини повести «В овраге» (1900), в не прекращающейся ни на минуту жизни, ведь женщина несет мертвого ребенка. Весенняя ночь превращается в испытание для героини, когда на одной чаше весов – смерть, а на другой – вечно обновляющаяся жизнь. Важно связать эти миры между собой, надо найти нечто сопрягающее, то «другое». Это «мостик», одним концом упирающийся в общее, а другим – в индивидуальный мир чувствований, служащий исходной точкой движения от индивида к общему и всеобщему, вбирающий в себя свойства противостоящих начал. Липа выдерживает испытание, чем доказывается мысль о прощении, преодолении смерти. Это осознание приходит к Липе именно после встречи со странниками, знающими правду божьего мира, возле горящего костра, символа душевного тепла и единения. Липа рассказывает им о своем горе и впервые за все это время встречает сочувствие, сопереживание, и сердце ее смягчается. Молодая женщина находит правду и красоту мира в сострадании и смирении, помогая свекру Григорию Петровичу. Это *чувство сострадания другому*, сталкиваясь с которым человек впервые измеряет глубину и силу собственного страдания и забывает о себе, самозабвенно постигая одну из самых страшных и прекрасных тайн мира.

Итак, мышление А.П. Чехова, равно как и его тексты, пронизано глубинными и подчас неразрешимыми противоречиями, где противоположности, не отменяя друг друга, становятся полюсами единого, складываются в просветляюще-безысходную картину мира. Представление об отсутствии единого и прочного основания мира порождает ощущение непреодолимого хаоса бытия, антиномии не получают своего разрешения (происходит лишь снятие оппозиций). Но А.П. Чехов не трагически безысходен, но сосредоточен на многоликости бытия, единстве и противостоянии полярных смыслов.

Литература

Чехов А.П. Собрание сочинений: В 12 т. М., 1985. Т. 9.